

Содержание

Предисловие	7
-------------------	---

Часть 1. Во что мы верим

Инстинкт, интуиция, вера	13
О Боге, но главное — в Боге	19
Вера и суеверие: подлинность и пустота	28
Надежда никогда не посрамляет	33
Промысл Божий — путь, который направляет Его воля	39
Любовь, из которой рождается жизнь	46
Как Церковь творит из людей одного человека.....	53
Господь Иисус Христос, изображенный в каждом из нас.....	58
Святой Дух не обрести в одиночестве	65
Пресвятая Богородица: любимая наша путеводительница	70
Молитва непрестанная, трезвая и благодатная	74
Икона — призыв к святости.....	82
Святые: ты, я, мы и не только	86
Религия и наука: два мира, которые объясняют друг друга	91
Творение мира, полнота гармонии и зло	96
Грехопадение или поворот от уничтожения к самопожертвованию	105
Покаяние — обратный путь в Царство Небесное	111
Свобода или произвол — наш выбор	117

Смерть и бессмертие:

разговор о том, чего не существует121

Часть 2. Озарение

Христовым Воскресением

Не плачь..... 126

Вера, действующая любовью 137

Сила Божия в немощи совершается 147

Безумие Креста — Премудрость Божия 158

Щедрый дар как основа новой жизни 168

Как вера отменяет клятву..... 178

Стать частью иного творения..... 189

Литургия: соединение Божественной

и человеческой любви 201

Служение, на котором стоит христианство 207

Живет во мне Христос..... 217

Послесловие. Светлой памяти

владыки Василия (Родзянко) (1915–1999)227

Предисловие

«Блаженны миротворцы»

*Протоиерей Виктор Потапов,
настоятель Иоанно-
Предтеченского храма
(Вашингтон)*

В XX веке России было попущено перенести невиданные в истории человечества испытания. 300-летнее царское правление было свергнуто, попытки установить новую демократическую власть задушены в зародыше, а Церковь, на протяжении многих столетий формировавшая российскую государственность и культуру, подверглась тотальному уничтожению. Революция и гражданская война, коллективизация и борьба против «классовых врагов», голод, повсеместная разруха, расстрелы, лагеря и ссылки унесли или искалечили жизни десятков миллионов неповинных людей.

Немногим сотням тысяч россиян удалось спастись за пределами бывшей Империи. В рассеянии многие уповали на лучшее, надеясь, что новая власть долго не продержится и что большевистский кошмар пройдет. Однако наиболее дальновидные представители эмиграции не

соблазнились несбыточными мечтами и взялись за дело, понимая, что трагедия на Родине — всерьез и надолго. Философы, богословы, литераторы и на чужбине продолжали мыслить и творить, иерархи организовывали епархии, рядовое духовенство и миряне основывали церковные общины, строили храмы, закладывали монастыри.

Этот живой, творческий процесс выявил немало замечательных людей, которыми современная Россия может по достоинству гордиться, а с частью из них Господь подарил мне радость быть знакомым лично.

Один из них — епископ Василий Родзянко.

Владыка прочно вошел в мою жизнь в 1971 году (тогда, еще до кончины его матушки и монашеского пострига, он звался отцом Владимиром). В том году он приехал из Лондона в США для участия в моем бракосочетании с его племянницей Марией Чертковой. Накануне венчания владыка провел с нами замечательную беседу о целях христианского брака и поведал «тайну» крепкого брачного союза. Его слова запали в душу, произвели на нас, молодых, огромное впечатление и не забыты до сих пор.

Вскоре после этого, будучи уже диаконом, вместе с матушкой я часто виделся с матерью епископа Василия, Елизаветой Федоровной Родзянко (урожденной баронессой Мейендорф), невесткой председателя последней Государственной императорской думы М. В. Родзянко. При встречах «бабушка Родзянко» дарила мне присланные сыном

из Лондона кассеты и тексты религиозных передач «Би-би-си», которые вел течение двадцати пяти лет ее сын, отец Владимир, в будущем епископ Василий. В этих звукозаписях я, как и многочисленные его слушатели в СССР, получал возможность услышать проповеди митрополита Сурожского Антония (Блюма), голос преподобного Софрония (Сахарова), других подвижников веры, да и самого отца Владимира.

Богатейший духовный опыт, накопленный владыкой Василием в изгнании, изливался на волнах «Би-би-си» его располагающим, внушающим доверие голосом, звучащим с какой-то особенной прозрачной искренностью. Многому его научило общение с митрополитом Антонием (Храповицким), епископом Николаем (Велимировичем), митрополитом Евлогием (Георгиевским), протоиереем Георгием Флоровским, святителем Иоанном (Максимовичем). Смысл страданий ему пришлось почерпнуть не только в чтении святоотеческих поучений, но и в его собственном исповедничестве, в годах, проведенных в заключении в тюрьмах Титовской Югославии после осуждения за свидетельство о вере в годы коммунистического режима.

Этот опыт духовного возрастания и преобразования со всей ясностью отображен в предлагаемом сборнике бесед епископа Василия.

Миссионерская радиодетельность владыки Василия, да и сам образ его жизни глубоко впечатлили автора этих строк — тогда еще молодого русского американца. Когда я слушал звукозаписи его

радиопередач, меня порою посещала кажущаяся шальной мысль: получить бы возможность делать подобные передачи. Так и произошло в 1977 году, когда волей Божией я был назначен вести религиозную передачу на «Голосе Америки», став ведущим программы под названием «Религия в нашей жизни», соработником владыки Василия в деле передачи слова Божия жаждущим услышать его в СССР.

Владыке привелось жить на Западе, но душой он всегда пребывал в России. Он глубоко и искренне переживал последствия трагедии Русской Церкви двадцатого века — не только гонения на веру в СССР, но и церковные смуты за его пределами. Смолоду он всей душой молился и стремился врачевать разделения внутри Русской Церкви. Часто говаривал: «Надо объединиться вокруг Чаши Христовой, причащаться вместе, и все церковно-юрисдикционные противоречия рассеются».

Владыка был прав.

Епикопа Василия интересовало все: вопросы религии и науки (см. его труд «Теория распада Вселенной и вера отцов. Каппадокийское богословие — ключ к апологетике нашего времени»), археология, психология, история и подобные предметы.

Как пастырь, владыка был образцом для современных священнослужителей. Глубоко верующий в Промысл Божий, он стал блестящим проповедником и сострадательным духовником. Высокий, красивый, харизматичный, он являлся подлинным

аристократом не только по происхождению, но и по духу. Для каждого встречного находил доброе слово. Благословлял пасомых не спеша, внимательно и с любовью смотрел людям в глаза.

Владыка был по-детски доверчив. Его нередко недопонимали, порою собратья поступали с ним весьма несправедливо, огорчали. Невзирая на это, за все время нашего тесного общения (с 1971 по 1999 год) я не могу припомнить случая, чтобы он кого-нибудь осудил, хотя поводов для этого было немало.

Владыка Василий жил по-евангельски. Его домом была крохотная однокомнатная квартира, в которой он умудрился разместить часовню с иконостасом, библиотеку и даже студию звукозаписи. Нередко бывало, что в этой его квартире подолгу проживали бедолаги.

Жалел он всех. Часто в проповедях повторял слова апостола Павла: *[Бог] хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины* (1 Тим. 2: 4).

Владыка обладал живым чувством юмора. Помню, в мою бытность молодым диаконом, он часто встречался в моем доме с третьим по счету Первоиерархом Русской Православной Церкви Заграницей, митрополитом Филаретом (Вознесенским) (1903–1985). При мне обсуждались животрепещущие вопросы церковной современности и духовной жизни, но вечера неизменно кончались обменом забавными историями из жизни обоих иерархов. Сожалею, что не все запомнил...

17 сентября 1999 года, накануне церемонии вручения ему американского гражданства, епископ Василий был призван в мир иной. Не сподобился он земными очами увидеть торжество воссоединения Русской Церкви, но я уверен, что сегодня, находясь в мире ином, где *нестъ болезнь, ни печаль, но жизнь бесконечная*, владыка блаженно радуется тому, что русские люди смогли преодолеть почти столетний разрыв и, где бы они не находились, вновь встать вместе у единой Чаши.

Часть 1

Во что мы верим

Инстинкт, интуиция, вера

Кто такие верующие?¹ Что такое вера? Это часть человеческой жизни. И не только жизни. Это часть человеческой природы, ее составная часть. Вера начинается в младенчестве. Каждый из нас это очень хорошо помнит. Если вообще мы помним, как мать протягивала руку и мы шли к ней — шли доверчиво, с верой, с таким убеждением, совершенно не думая ни о чем, потому что это мама! Она меня зовет, и я к ней иду, и я к ней бегу. Я знаю, я верю, что она мне никакого зла не сделает. Я верю, что в этом весь источник моей жизни. В детстве смысл нашей жизни заключался в этом мамином взоре, призыве, словах, в этой ее ласке, а иногда, может быть, и строгом наставлении.

Вот с чего начинается вера. Это ее зернышко. Так же, как все во младенчестве является зерном,

¹ Цикл видеобесед владыки был записан в Донском монастыре в начале 90-годов XX века.

из которого вырастает потом иной раз и огромное дерево. Дерево, в котором, по словам Иисуса Христа, укрываются птицы. Причем Христос употребил сравнение с горчичным зерном — если ты имеешь веру хоть с горчичное зерно, то можешь горы переставлять. Действительно, мы знаем, что люди, которые убеждены в чем-нибудь совершенно определенном, знают, чего хотят, верят в свое дело и в того, кто его зовет, — а ему верят те, которые за ним идут, — они, и правда, могут перевернуть горы людские, в полном смысле этого слова, в буквальном, не говоря уже о метафорическом, который употребил Христос.

Как вот, например, было в Армении в свое время — горы сдвинулись, и многие люди со всего мира помогли своей верой и делом, своим добрым сердцем, чтобы эти горы изменили положение в другом смысле — в смысле восстановления жизни. Иногда эти чудеса случаются действительно буквально — как и сказал Христос. Вот что такое вера!

И еще больше можно сказать: верующим является каждый настоящий ученый. В каком смысле верующим? Прежде всего, он верит в то, что достигнет успеха в своих научных исследованиях и иногда теориях. Конечно, он знает, что может ошибиться. Особенно когда у него еще нет фактов, доказательств. Или когда речь идет об известной уже теории на основании того, что он исследовал, — из этого получается его заключение, и в него он верит. Если у него нет этой веры,

он никогда не сможет сделать научное открытие. Об этом нам говорят сами ученые — крупные, настоящие исследователи, не фальсификаторы.

Ошибочно думать, что человек живет только своим умом, интеллектом, рациональным подходом к жизни. Все это, конечно, тоже нужно и необходимо, и недаром еще с древности его, в отличие от животных, называли «человек мудрый». Да, конечно, мудрый. Но дело в том, что мудрость — настоящая мудрость — включает в себя всего человека. Не только, скажем, математические формулы, не только те или иные логические выкладки, не только размышления сами по себе, отдельно от всей жизни, а все. Все, что касается человека, и его жизни, и всего человечества в целом.

Вот сюда относится мудрость. Мудрость каждого из нас, каждого человека, мудрость людей вместе, того или иного общества, страны, народа. И она неминуемо охватывает и то, что мы называем словом «вера». Вера вообще как качество человеческого существа, человеческого духа. Человек этим отличается от животного. Животное живет, и существует, и действует, следуя инстинкту, в него заложенному. Вот этот инстинкт и есть вера, но, я бы сказал, вера природы.

Откуда, например, птица — аист узнает место, где он провел в прошлом году лето? А это так, я помню из детства. Мы тогда жили в Югославии, и к нам каждое лето прилетали аисты, они зимовали где-то на севере Африки. Однажды мы подобрали птенца, его кто-то подстрелил. Привели

к нему ветеринара, тот положил лекарство, поставил ему гипс на ногу. И этот аист у нас рос, мы его кормили, находили ему то, что было подходящей пищей и так далее. Это было, знаете, целое событие в нашей семье. И не только в семье, но и во всем околотке, все дети собирались. Он был у нас добрым другом. И в один прекрасный день, дело шло к осени, он вдруг вспорхнул и улетел. Только мы его и видели. И исчез. Потому пришло время аистам улетать.

И подумайте! Следующим летом он вернулся. Вернулся на нашу трубу и сидел. А почему мы его узнали? А потому что повязка у него была, та самая, которую ему ветеринар наложил. И что же? Какое такое знание, какое направление, которое он взял, когда летел, какая такая вера, что он окажется там, где был, в своем доме, действовала в нем? Природная вера, которую мы и ученые-зоологи называем «инстинкт». А у человека она зовется «интуицией».

Разница между инстинктом и интуицией огромная. Интуитивный человек — тот, у кого действует дух. Не просто то, что заложено в него природой, его гены, как это теперь говорится, а то, что он сам в себе осознает, чувствует, вырабатывает и чем живет. Это его дух и то, что мы называем «духовной жизнью». И включаем в нее очень многое. Есть еще и душевная жизнь — нечто более эмоциональное. А духовная жизнь охватывает все вместе, то, что базируется на этой мудрости. Но человеческая интуиция невозможна без

веры. Той самой веры, которая была у нас в детстве по отношению к своей матери. Доверие. Вера и доверие.

И тут я опять вспомню кое-что из детства. Это было во время Гражданской войны. Вокруг нас появилось много всколыхнувшегося человеческого зла. И это зло было видимо даже ребенку. Я упомяну лишь один факт. Нас было много детей в семье, и моей матери было трудно со всеми нами справляться. Нас тогда эвакуировали в Югославию, и вместе с нами прибыл бывший белый офицер, очень решительный, смелый, казалось — очень энергичный. Моей матери он показался человеком, которому можно меня поручить. А он брал меня, уводил далеко в сарай, привязывал и лупил ремнем, иногда по пятидесяти ударов. Потом ставил на кукурузу голыми коленями, до тех пор, пока кровь не выступала. А за что — я так и не понял. Я еще не знал, что бывают садисты — люди, которым доставляет удовольствие мучить даже детей. Но я оказался вот такой жертвой, и у меня появился страх, даже отвращение к жизни.

Я не знал, что происходит, для чего я живу, в чем смысл. Пока не встретил одного замечательного монаха, которого звали отец Иоанн. Он потом стал владыкой. А теперь считается святым. Я скажу его имя — Иоанн Максимович. Замечательный был человек! Он мне показал, что есть не только этот злой мир, но и добрый, хороший, святой, мир, в который можно верить! И ему самому тоже можно было верить — всему, что он мне говорил.

Он заразил меня своей верой, и я стал верующим в полном смысле слова.

Но в конечном счете — к кому обращена наша вера? К нашему Творцу, Который заложил ее в нас, дал нам такой дух. Мы верим, доверяем Сыну Божию, который пришел на эту землю и принес нам то, что мы иначе не могли бы даже узнать, — Иисусу Христу, Господу нашему. Это мы берем без всяких доказательств. Потому что вера сама собой нам доказывает себя своим опытом, своей интуицией и своим поразительным влиянием на всю нашу жизнь. Так что она видимо меняется под действием Господа нашего Иисуса Христа.

Посмотрим на нашу историю, на то, что произошло в течение веков, тысячелетий. Посмотрим на нашу культуру, на всю Россию — она не могла бы стать такой, какая есть, без веры людей, которые вовсе не были какими-то фантазерами. Нет, они строили, они создали огромное — и какое! — государство, которое мы унаследовали. Вера этих поколений действительно двигала горами киевскими и московскими холмами. И вообще всей жизнью нашей. Вот она, вера, которую мы получили. Это вера в Господа нашего Иисуса Христа. Вера христианская. Вот почему мы — христиане. Вот почему Святая Русь — Русь Христова.

Да хранит вас всех Господь Бог.

О Боге, но главное — в Боге

Прошлую беседу мы закончили на том, что вера — это вера в Бога. И Кто такой Бог?

Прежде всего, надо сказать, что когда мы говорим вообще о Боге, то для нас, несомненно, верующих, очень важно, что нельзя говорить о Боге со-вне, как мы рассуждаем о каком-либо объекте. Потому что Бог — не объект. И о Нем мы не можем говорить. Часто люди полагают: вот, богословие, они рассуждают о Боге, изучают Его и так далее. Да, верно. Но если это настоящее, подлинное, верующее богословие, то оно не так говорит о Боге. Не просто как о чем-то вечном. Потому что если мы начнем так думать о Нем, сразу же придем к тому, что исключает по существу бытие и сущность Божию. А именно — к кумиру.

Понимаете, древние христиане очень хорошо знали разницу между Богом — и кумиром. Между богами — и идолами. И, конечно, между Богом — и «богами». То есть Один есть Единый, Истинный Бог, Единый Истинный Творец, Тот, Который нас сотворил, Который промыслительно, любя нас, ведет нас к нашему спасению. А есть боги — языческие боги.

И не надо думать, что это верование относится только к прошедшим временам. Очень много идолов есть и сегодня, очень много различных богов

мы встречаем и сейчас. Есть даже сознательное возрождение языческих культов времен Киевской Руси до Крещения, до принятия христианства.

Мы — христиане, верующие, должны знать, что нельзя думать, что всякий бог есть Бог. Нет, самое главное — когда мы говорим о Боге, надо говорить не только **о** Нем, но и **в** Нем.

Надо быть в Боге. Надо быть в состоянии обожения. И если этого в нас нет, любые наши рассуждения будут неверны, фальшивы. Нужно ощущать в себе Божественное присутствие, находиться в Его Духе. Как сказал преподобный Серафим Саровский, в стяжании Духа Святого — цель христианской жизни. Не добрые дела — они важны, конечно, — но не всякая чисто житейская вещь необходима нам, а только одно. Единое на потребу, как говорил Спаситель. А именно — быть в Боге, стяжать Духа Святого. Чтобы Он сошел в тебя, в меня, во всех нас. Чтобы мы действительно почувствовали Его присутствие и знали, что говорим не только о Боге, но мы в Нем находимся. И что Бог в нас, и что мы все в общении друг с другом — благодаря тому, что мы — Божии.

И тогда мы соединим в себе то, что в философии называется «объект» и «субъект». Потому что их единство — самое главное, самое основное во всяком христианском богословии. Чтобы то, что есть во мне субъективного, было бы не фантастическим, не дай Бог. Ибо этот фантастический элемент во мне как раз и создает кумира. Можно даже, думая, что мы настоящие верующие, что мы

преданы Христу, из того Бога, Который, мы думаем, есть наш Бог, Бог Библии, Бог Откровения, — из Него делать кумира. Это очень опасно!

Отсюда, между прочим, и появляется атеизм. Ведь, откровенно говоря, атеисты правы! В том, что отрицают таких наших кумиров. Они не знают нашего Бога — совсем — и видят только эти тени. И если мы — плохие верующие, если мы наполнены такими кумирами и их проповедуем, мы фактически открываем двери безбожию. Которое говорит: «Я в такого Бога — старца с бородой, сидящего на облаках небесных, — не верю». Некоторые воображают, что Он такой. А некоторые очень серьезно — очень серьезно! — говорили, что космонавты в космосе Бога так и не нашли. И не найдут! Нет такого объекта, который можно назвать Богом. В то же самое время Он объективен — и субъективен. То есть в Себе Он субъективен, во мне, в моем личном ощущении, но объективен вне меня. Он не может быть заключен исключительно в мою мысль, и даже в мое восприятие, ощущение, в мою веру. Потому что Он есть Сам по Себе.

Так и называли Бога в древности, Его имя в Ветхом Завете означало: «Тот, Который существует Сам в Себе», «Я — Сам в Себе сущий, Я Тот, Кто живет». Источник жизни вечной, сама вечная жизнь. Он есть независимо от того, являюсь ли я тем, кто Его ощущает, и вообще, живу ли я сам. До того, как я родился, и после того, как умру, Он был, есть и будет.